

На лесной поляне все были заняты приготовлением завтрака. Из маленького котла валил густой пар, в котором варилось что-то вкусное — аромат разносился на два ли. Лю Сяньань всё ещё сидел верхом на лошади, и в животе у него уже урчало. Что поделать — три тысячи миров не заботились о еде, и как бы духовно богат он ни был, вовремя поесть всё равно приходилось.

А-Нин уже приготовил для них горячие платочки, пропитанные лекарственным настоем, чтобы вытереть лицо и руки. Гао Лин взял поводья и спросил:

— Как обстоят дела в городе, ваша светлость?

— Не совсем так, как ожидалось. — Лян Шу бросил взгляд в сторону и увидел, что Лю Сяньань уже вернулся к повозке, переоделся и теперь стоял у котла, терпеливо дожидаясь еды.

А-Нин выловил для него из котла большую куриную ножку:

— Молодой господин, кушайте скорее. Это Чэн-гуньян поймала в лесу прошлой ночью. Она очень искусна — её владение ножом точнее, чем трепанация черепа у Сан-гуньян.

Проходившие мимо охранники остолбенели. Неужели в Байхэшань так запросто вскрывают череп?

— Хорошо бы А-Юань была здесь, — Лю Сяньань, держа чашу, неторопливо потягивал горячий бульон. — Она всегда умела варить супы, укрепляющие ци и питающие желудок и селезёнку. А как раз сейчас в Чисячэне есть один такой пациент.

— Прежде чем питать селезёнку, я ещё не спросил у молодого господина, — А-Нин уселся рядом с ним. — Чума в городе серьёзная?

Лю Сяньань задумался на мгновение и покачал головой:

— Должно быть, нет.

А-Нин смутился. Чума либо серьёзная, либо нет — что значит «должно быть»?

— Я ещё не видел больных, — пояснил Лю Сяньань. — Ши-дажэнь собрал всех пациентов за городом, на горе Даканшань, мимо которой мы проезжали вчера.

Пока они беседовали, Лян Шу и Гао Лин тоже подсели к костру. Чэн Суюэ всю дорогу ругала «собачьего чиновника», а теперь, когда чиновник оказался не таким уж «собачьим», она чувствовала себя немного неловко:

— Малоизвестный врач мяо да местный помощник писаря — как у них хватило смелости подделывать императорские указы?

— Они занимаются не просто подлогом, — Лян Шу зачерпнул половником бульона и долил в чашу Лю Сяньаня. — Ешь больше.

Трое остальных остолбенели от такой внезапной заботы. Они замерли, переглядываясь, не смея пошевелиться. Лишь Второй молодой господин Лю сохранял полное спокойствие и, потягивая бульон, сказал:

— Ваша светлость может не сомневаться, я приложу все усилия, чтобы раскрыть правду о чуме, и ничего не утаю.

Гао Лин с облегчением вздохнул. Оказывается, его князь чего-то хотел. Неудивительно, что вдруг стал проявлять учтивость — а то он уже подумал, не конвульсии ли у него.

Впрочем, если уж проявлять доброту, то такую скупую — одна ложка бульона, это же просто смешно. Хоть бы куриную ножку отломил.

Он тут же потянулся за мясом, но Лю Сяньань уже наелся. Поставив чашу и вытерев губы, он спросил:

— Что ваша светлость хочет от меня?

— Притворись обычным врачом и войди в город.

Как он и говорил ранее, первостепенная задача — взять чуму под контроль. Ситуация в Чисячэне была полна странностей — это походило не на стихийное бедствие, а на спланированное злодеяние. Кроме того, подмена нового зерна из казны старым — не то, что под силу обычным людям.

Врач мяо и помощник писаря были лишь пешками, а тех, кто прятался за ними, следовало вытащить на свет.

***

В тот же день после полудня Гао Лин с несколькими охранниками отправился в ближайший город Чаньань. Во-первых, чтобы раздобыть продовольствие, а во-вторых — за помощью в местной клинике Байхэшань, которая была немаленькой и могла прислать как минимум сотню учеников.

Лю Сяньань, А-Нин и Чэн Суюэ должны были выдать себя за братьев и сестру, странствующих

врачей, и отправиться в Чисячэн, чтобы раскрыть правду.

А-Нин тихо спросил:

— А чем будет заниматься его светлость?

Лю Сяньань задумался на мгновение, затем так же шёпотом ответил:

— Разрабатывать стратегию в шатре.

Господин и слуга дружно подавили смешок, но как раз в этот момент главный герой этой «шатровой стратегии» подошёл с холщовым мешочком в руках. Он был перевязан сыромятным ремнём, из него торчали иглы, а кое-где виднелись даже пряди волос. Выглядело это довольно жутковато.

— Ты когда-нибудь менял лицо? - спросил Лян Шу.

Лю Сяньань покачал головой.

Лян Шу сел напротив него и слегка приподнял его подбородок тыльной стороной пальца:

— Закрой глаза.

На лицо нанесли холодноватую мазь. Лю Сяньань немного нервничал — он ничего не видел и чувствовал себя неуютно, поэтому украдкой приоткрыл глаза как раз в тот момент, когда Лян Шу взял полупрозрачную маску.

— Что это за материал? — Лю Сяньань никогда не видел ничего настолько прозрачного и мягкого.

Лян Шу аккуратно наложил маску на его лицо, уголки губ слегка приподнялись:

— Ты прочёл больше десяти тысяч книг и прожил сорок восемь тысяч лет, но не знаешь, что это?

— Я читал о методах создания масок для маскировки, но ни в одном описании не было сказано, как они выглядят, — честно признался Лю Сяньань.

Лян Шу наблюдал, как его ресницы трепещут. В голове вновь зародилась озорная мысль, и он соврал:

— Она сделана из человеческой кожи.

— Вау! - тут же воскликнул А-Нин.

И даже привстал, чтобы рассмотреть поближе.

Хотя Лю Сяньань и не сказал «вау», его хладнокровие было сопоставимо с его реакцией. Он даже головой не пошевелил, лишь выразил недоумение:

— Но свежеснятая человеческая кожа выглядит иначе. Со временем она трескается и сереет. Маска вашей светлости, должно быть, обработана каким-то особым способом?

— Ты когда-нибудь снимал кожу с человека? - нахмурился Лян Шу.

— Нет, но я видел, как отец проводил подобную операцию, — вспомнил Лю Сяньань. — Кажется, тот человек был мясником. Его лицо обварилось кипятком, и отец пересадил кожу с его спины на лицо. Я немного подержал её.

«Немного подержал её».

Спасение жизней — это одно, но звучало это всё равно жутковато. Держать в руках человеческую кожу — не самое обычное детское воспоминание. Его Высочество князь Сяо задумался о необходимости пересмотреть условия жизни в Байхэшань, но сейчас лишь сохранил невозмутимый вид и, отмахнувшись от неудавшейся попытки напугать собеседника, равнодушно сказал:

— Я пошутил. Это свиная кожа, агар-агар и ещё несколько лекарственных компонентов. Техника внутренних агентов — в открытых книгах такого не найдёшь.

Лю Сяньань слегка приподнял голову и тихо хмыкнул, но не рассердился.

— Ты не боишься человеческой кожи? - спросил Лян Шу.

— Чего тут бояться? Она есть у каждого, — ответил Лю Сяньань. — Если говорить о крови, то в Байхэшань приезжают пациенты со всей страны, и куда более кровавые раны, чем снятие кожи, — обычное дело для учеников. Даже А-Юань в подростковом возрасте училась вскрывать череп и выскабливать кости, а ещё передвигать модели скелетов...

В середине фразы Лю Сяньань вдруг осознал, что это ещё один прекрасный повод отговорить его от свадьбы. Он снова открыл глаза, пытаясь по выражению лица Его Высочества понять, куда именно его сестра передвигала скелеты — в главный зал или к своей кровати. Но, к сожалению, Лян Шу, похоже, не слушал, а лишь аккуратно подправлял маску, лёгкими

движениями разглаживая края. В конце он нечаянно задел пальцем маленькую родинку у него на шее:

— Готово.

Лю Сяньань не испытывал дискомфорта — наоборот, было прохладно и приятно. А-Нин поднес бронзовое зеркало, и он увидел самое обычное лицо: слегка опущенные уголки глаз, полноватые губы — выглядел он как простой и добродушный человек, но отнюдь не уродливый, без жёсткой мимики и свирепых бровей, как описывалось в книгах.

— Как долго можно носить эту маску?

— Три дня, — Лян Шу вытер руки. — Но лучше снимать на ночь и надевать снова утром. А-Юэ тоже сменит лицо и поможет тебе с этим.

Лю Сяньаню чрезвычайно понравилось его новое лицо. Надев маску, он стоял на ветру, грелся на солнце и даже умылся, желая проверить её прочность. Но Чэн Суюэ не выдержала этого зрелища и побежала жаловаться Лян Шу. Второй молодой господин Лю с осанкой бессмертного повернулся к ней с частично порванной маской — зрелище было поистине пугающим, техника князя оказалась слишком беспощадной.

— Оказывается, и тебя можно напугать, — заметил Лян Шу. — Об этом стоит рассказать в Северо-Западном военном лагере, чтобы свахи наконец поняли: ты не всегда думаешь о «великом подвиге» убийства волков одной рукой.

— Эти свахи сами по себе достаточно страшны, — поспешно отступила на два шага Чэн Суюэ.
— А теперь, познакомившись со Вторым молодым господином Лю, я ещё меньше хочу выходить замуж за мужчин из Юэячэна. Почему между ними такая огромная разница? Будто сравниваешь бессмертного с волком.

Что ж, если сравнивать со Вторым молодым господином Лю, остальные мужчины и вовсе не заслуживали звания людей. Лян Шу взглянул на её озабоченное лицо и безжалостно усмехнулся:

— Хочешь выйти за него замуж?

— За кого? За Второго молодого господина Лю? Это же невозможно, — возразила Чэн Суюэ. — Он настолько небожитель, а я настолько земная. Если нас насильно свести, боюсь, через несколько дней разведёмся.

— Увидела красивого мужчину — и сразу до развода додумалась. — добродушно пожурил её Лян Шу — Не понимаю, почему ты не хочешь замуж. Разве не хочешь попробовать?

— Ай-я, да я совсем не такая, — Чэн Суюэ напряжённо размышляла, как объяснить эту разницу, но из-за ограниченности прочитанных книг смогла выдать лишь: — Их можно лишь издали созерцать, но не играть с ними.

Впрочем, это звучало весьма двусмысленно — будто необразованный деревенский грубиян, разглагольствующий о том, как приставать к молодым невестам, или глупец, бессмысленно бормочущий: «Луна светит перед моей кроватью»[1].

Видя, что собеседница уже вся покраснела от смущения, Его Высочество князь Сяо наконец проявил великодушие и отпустил её.

***

Лю Сяньань осторожно снял маску и внимательно изучал её на свету. Заметив, что Чэн Суюэ закончила разговор с Лян Шу и направляется к нему, он поднял руку, остановил её и сам подошёл, чтобы расспросить подробнее, уже надев маску обратно.

Но румянец на щеках Чэн-гуньян ещё не до конца спал. Лю Сяньань с беспокойством спросил:

— У тебя жар?

— Нет-нет, — поспешно замахала руками Чэн Суюэ. — Я не заразилась чумой, это всё князь... Ай, то есть не князь заразил меня чумой! Я хочу сказать, я покраснела из-за князя — он только что заявил, что я хочу выйти за молодого господина замуж.

Лю Сяньань рассмеялся:

— Но ты же ясно дала понять, что не хочешь за меня замуж. Так почему же покраснела?

— Князь иногда бывает невыносим, — Чэн Суюэ уселась на камень и стала помогать ему поправлять маску. Через некоторое время она спросила: — Второй молодой господин Лю, а на какой девушке ты хотел бы жениться в будущем?

Лю Сяньань задумался на мгновение, затем ответил:

— Подойдёт любая.

Чэн Суюэ озадаченно моргнула. Даже кузнецы из Юэячэна, сватая жену, выдвигали десяток требований. А Второй молодой господин Лю был настолько беспечен, что заявил: «Подойдёт любая».

— Даже... если она некрасивая?

— Естественно. Когда добродетель сильна, форма забывается. Красивая или уродливая — для меня нет разницы.

— Тогда... — Чэн Суюэ понизила голос до шёпота, — если бы император тогда разрешил принцессе выйти за тебя, ты бы тоже согласился?

Лю Сяньань кивнул:

— Согласился бы. Императорский указ нельзя нарушать.

Хотя он и не дорожил жизнью, и действительно не хотел жениться на принцессе, но был слишком... ленив, чтобы сопротивляться указу. Сейчас у него не было кого-то, кого он очень любил, так что можно было и жениться. После свадьбы, если получится жить как прежде — хорошо. Если нет — можно развестись, собрать вещи и вернуться в Байхэчэн, чтобы спокойно лежать. Всё было приемлемо.

Чэн Суюэ никогда не слышала о таком странном отношении к браку:

— Разве ты не хочешь найти того, кого по-настоящему полюбишь?

Лю Сяньань не ответил сразу — казалось, он никогда не задумывался над этим вопросом. В книгах, когда речь заходила о любви, иногда бесчувственный человек не мог понять страданий влюблённого, а иногда вино лилось рекой, любовная тоска превращалась в слёзы, душа улетала, сердце разрывалось, и тогда они так мучили друг друга, что жить становилось невозможно. Как же это утомительно. Слишком утомительно и хлопотно. Одна мысль об этом напрягала кожу головы.

Лян Шу, находившийся неподалёку, вполне одобрительно отнёсся к его молчанию и нашёл этому разумное объяснение.

Он провёл двадцать лет среди белобородых старцев в облаках. Если бы он смог найти любовь, это было бы поистине нелепо.

---

[1] Аллюзия на стихотворение Ли Бо «Тихие думы в ночной тиши» (靜夜思) — классическое китайское стихотворение, которое часто цитируется не к месту.